

О.П. Чернега

К вопросу о хронотопе религиозного радиовещания

Существует несколько содержательных концепций, рассматривающих хронотоп в качестве структурирующего элемента системы искусств, жанрообразования (М. Бахтин, А. Лосев, Д. Лихачев и др.).

Д. Лихачев выделяет художественное время и пространство отдельных жанров древнерусской литературы, фольклора, ритуальных служб как константы, воплощающие мировоззренческую парадигму. Для житийных произведений характерны замкнутость, однонаправленность сюжетного времени, подчиненность закону цельности изображения. «В изложении отобрано то, о чем может быть рассказано полностью, и это отобранное также «уменьшено» – схематизировано и уплотнено. Деталь изображается не такой, какой она была в действительности, со всеми ее случайными чертами, а так, чтобы лучше быть воспринятой в ее целостности читателем – как геральдический знак, эмблема описываемого объекта» [1, с. 535]. (Последние положения любопытно близки современной теории радионовостей).

Вневременное как содержательный аспект доминирует в проповеди, поучении, нравоучительных жанрах, где абстрагируются ситуация, действующие лица, место событий. Преодоление временного, с восхождением к вечному, характерно для жанров христианской литургии. Вечность является атрибутом бога или абсолютного духа, она совершенна и постоянна. События священной истории не только вспоминаются во время богослужений, но «вновь и вновь совершаются ежегодно, так как они не исчезли, существуют в вечном мире и продолжают существовать во временном, повторяясь в христианском календаре» [1, с. 558–559]. Согласно концепции философа и теоретика богословия С. Булгакова, «этот мистический реализм есть общая предпосылка всего православного богослужения. Вне которой оно потеряло бы всю свою силу быть совершающейся мистерией боговоплощения» [2, с. 309].

Среди других средств массовой информации именно радио наиболее успешно нивелирует дистанцию между событием и его восприятием, создает эффект присутствия, что объяс-

няется быстротой интеллектуально-эмоциональных реакций, подвижностью воображения при воздействии акустического сигнала. Т. Марченко доказывает, что для радиотеатра характерен прием контраста: «было – вижу сейчас», эффект «реконструкции времени», «исторической стереоскопии», когда в радиопьесе создается иллюзия «двуплановости времени»: «настоящего и прошедшего», «настоящего – будущего» [3, с. 142]. Аналогичное «психологическое совмещение времени с чувством» было заявлено полторы тысячи лет назад теологом А. Августином: «Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего... Настоящее прошедшего – это память; настоящее настоящего – это непосредственное созерцание; настоящее будущего – это ожидание» [4, с. 162]. Вечность, всемирность непреходящих сакральных событий подчеркивается формами настоящего времени во многих молитвах, церковных службах (праздничная проповедь, литургия).

Д. Лихачев в качестве категориального подвиды художественного исторического времени выделяет летописное время. Летопись, пренебрегая бытом, политическим строем, протокольно фиксирует отдельные факты, «официальные события». В летописи нет сюжетного изображения, фабулы, кульминации, отчитываясь, она показывает «суетность» человеческой истории на фоне вечности. Летописец стремится видеть события с высоты их вечного, религиозного, а не реального смысла. «Вечное в летописи дано в аспекте временного. Время подчинено вечности» [1, с. 542, 546].

Тезисы Д. Лихачева о вечности, летописном времени могут быть соотнесены с теорией информационной журналистики, в особенности они актуальны для радио как приоритетного для сообщения новостей вида СМИ. Как для летописи характерна хронологическая, не причинно-следственная связь событий, «местное время», т.е. время, «разорванное между территориями» (Д. Лихачев), так и для выпусков новостей характерны дискретность, локальный взгляд при интерпретации случившегося. Однако при секуляризации истории, мышления, журналист, сегодняшний «летописец современ-

ности» – не «визионер высших связей» (Д. Лихачев), но – лишь посредник между слушателем и событием как случайным сигналом фактического (действительного) мира, самоидентичным, самодостаточным.

Согласно концепции Г. Померанца, современный масштаб времени и пространства – антропоморфный: «факт – неповторим», исторические формы – беспредельно-разнообразны, история исчезает. Антропоморфному масштабу противостоит теоморфный. Для Бога единица времени – вечность. «Вечность и время логически не координируются. Тем не менее вечное вводится в историю как Провидение. Теоморфный масштаб позволяет поместить свои ценности на небесах, над бесконечной прихотью судьбы, и таким образом придать человеческой жизни, лишенной исторического смысла, некоторый духовный смысл» [5, с. 290–291].

Преобразование реального времени: смещение временных пластов, сжимание, растягивание необходимы для осмысления жизни в произведении, будь то религиозный, литературный жанр или радиопрограмма. Монтаж пространства и времени носит мировоззренческий, гносеологический характер, имеет основополагающее значение для выявления содержательно-эстетической сути художественного образа. Атрибутами Бога являются вечность и бесконечность, потому молитвенный акт, литургические службы тяготеют к вневременному, надмирному.

Будучи временным искусством в ряду техногенных СМИ, радио обладает мощным потенциалом стремительного изменения пространственно-временных координат, наложения времени, места действия, укрупнения, кристаллизации, многомерного панорамирования мгновения и переживания, а также моментального свертывания объемного жизненного потока. Эти уникальные возможности радио могут быть успешно востребованы в религиозных программах, так как пространственно-временные координаты сюжетов о вере, Боге безграничны: от конкретного адреса и времени действия – до вечности, бесконечности.

Согласно О. Нечай, специфика радиийного хронотопа выражается в разделенности коммуникатора и аудитории, отсутствии пространственной координаты радиопроизведения [6, с. 60–61]. Представляется неверной вышеуказанная характеристика хронотопа радио. По принципу развертывания содержания, типу художественного образа, процессу восприятия радио родственно не телевидению, кино или театру, но – литературе, с присущим этому вре-

менному виду искусства пространством, трехмерным, условным, иллюзорным, создающимся в воображении читателя. Причем аудирование как непосредственный раздражитель – сигнал более активный и сильный, нежели инерционный процесс чтения.

Акустическое пространство радио, являясь субъективным (перцептуальным) пространством воображения, воплощает некоторые свойства воображения и фантазии – функций, обслуживающих эмоциональную сферу: подвижность, стремительность, беспредельность. Но если место действия – это фактически чувства и сознание слушателя, следовательно, одним из свойств радио являются интериоризация, самоидентификация, отождествление респондента и героя художественной радиопрограммы, нивелирование дистанции между происходящим на сцене радиотеатра – и эмоционально, эмпатически воспринимающим субъектом, т.е. тот эффект, к которому стремится религия, – воссоздать сакральные события как факты настоящего, персонально актуальные для каждого верующего человека.

Результат – консолидация, эмоциональная, духовная близость, инициированная переживанием катарсиса, что близко основополагающей идее соборности, всеединства русской религиозной философии (См.: В. Соловьев, Л. Карсавин, И. Ильин, Н. Лосский и др.).

Объективная, неразрывная связь пространства и времени в качестве единой формы существования материи в творчестве проявляется во взаимодействии, взаимовлиянии пространственно-временных параметров художественного образа. Разграничение пространства и времени как разных, оригинальных характеристик бытия и органичное их воссоединение в воображении читателя, слушателя объясняются механизмом синестезии – межчувственных ассоциаций. Мы разделяем концепцию А. Лосева, критикующую положение А. Бергсона о пространстве и времени как антиподах: «...пространство также жизненно, творчески – напряженно, ...содержит в себе те же первичные категории, что и время, но только в новой их комбинации» [7, с. 541].

Одной из доминантных концепций русской философской мысли является особая значимость «великого и трудноуловимого топоса» (Г. Гачев), или – «место-пространства» (Аристотель), первофеномена «пространство» (И. Гете) для постижения сути русской истории, народного характера. Национальная литература, философия всегда трактовали пространство

в герменевтическом ключе идеального почвеннического экзистенциализма позднего М. Хайдеггера: «Суть пространства есть простор. В просторе и сказывается, и вместе таится событие» [8, с. 96–99]. Бескрайние просторы Руси отзываются в противоречивых, «широких» (Ф. Достоевский) характерах, оригинальных, зачастую одиозных поступках.

В отечественной философской мысли, во взглядах зарубежных философов XX в. прослеживается теория воплощения и трансляции ментальности, духа народа в той или иной религиозной традиции (И. Киреевский, Ф. Достоевский, Н. Данилевский, О. Шпенглер и др.).

Теория относительности, четвертая пространственно-временная координата, учение о ноосфере сформулированы математиками А. Эйнштейном, Н. Лобачевским, В. Вернадским, однако поэты М. Ломоносов, В. Хлебников, А. Вознесенский и другие уже интуитивно «опространстливали время», а «пространству придавали текучесть времени» (К. Кедров), т.е. в творчестве органично выражали суть целостного (религиозного) миропонимания.

Согласно В. Хлебникову, каждый звук имеет «сияющую цветовую бездонность», одновременное восприятие «пространства-времени» приведет «к слиянию пяти чувств, к новому видению мира» [4, с. 167–169]. Среди литературного наследия В. Хлебникова есть и апология новому техническому средству – радио. Это статья «Радио будущего», в которой предвещается объединение посредством радио человечества, «мировой души» [9, с. 313–315]. Безотносительно к радио, современный поэт и философ К. Кедров, утверждая идею господства персонифицированного духовного начала, бессмертия духа, в яркой глубокой метафоре по сути формулирует главную специфическую черту эффекта хронотопа религиозного радиовещания: «Итак, в момент слияния чувств мы увидим, что время и пространство не есть нечто разрозненное. Невидимое станет видимым, а немое пространство станет слышимым. Тогда и камни заговорят, зажурчат, как река времени, их образовавшая» [4, с. 162].

Было бы не вполне правомерно проводить параллели, выстраивая умозаключения о наличии у слушателя «светоносного пространства» воображения, инициированного религиозной радиопередачей. Откровение, мистическое озарение доступны лишь подлинно верующей душе и не поддаются логическим обобщениям. Но на сегодняшнем всеобщем пути

«от марксизма к идеализму» (С. Булгаков) бесполезны будут некоторые, подчеркнутые в настоящем исследовании, аналогии: между выразительными средствами «звук – слово», средствами социализации и коммуникации «религия – радио».

Своеобразие и эффективность радиовещания предопределяются особенностями восприятия звука. Радио «утверждает» новые расстояния по отношению к человеческим чувствам, ломая сложившуюся традицию монументального изображения. По данным психологов, интонационные, ритмические, тембральные параметры голоса неподконтрольны сознанию, индивидуальны, зависят от настроения и самочувствия; интимны и камерны условия аудирования.

Таким образом, можно сделать вывод о приоритетно-личностном характере радиовещания: на уровне выбора темы и объекта общения со слушателями, персонализации ведущего. Формула художественной радиопублицистики соответствует сути творческого метода особого рода литературы – лирики, эмоционально выражающей (зачастую в поэтической форме) индивидуальные, интимные чувства и переживания.

Следовательно, можно говорить о лиричности радио как о доминантной творческой, эстетической парадигме объекта, предмета отражения и стиля, манеры реализации темы. В отдельных случаях художественная остротенность, ирреальность голоса, оторванного от изображения, большой обобщающий, ассоциативный потенциал звука (слова, шумов, музыки) в совокупности с героической темой способствуют созданию лирико-эпических радиопередач, повествовательных или монументально исторических. Но не драматических.

Лиричность как тихое исповедание, воспитание души, созерцательное взволнованное откровение при постижении мистических тайн, при пренебрежении драматической суетностью быта, также является доминантной художественной, эстетической чертой религии. «Душевные переживания», «светлый лирический подъем» отмечает в иконе Е. Трубецкой. В религии, церкви нашей, по словам В. Розанова, «отдыхает душа, утихает сердце, облегчается грусть, горе, печаль... Вот православие, тихое, без Монбланов, без бурь» [10, с. 157].

Таким образом, поставив проблему хронотопа религии и радио, в ходе исследования удалось выявить:

– онтологические (содержательные, выразительные) предпосылки аутентичности религии и радио;

– актуальность закона целостности;	мерностями, формальную, стилистическую
– специфические, сходные черты хронотопа религии и радио;	близость творческих методов, проявляющуюся в лирической, или лирико-эпической интонации религиозных и радиопроизведений.
– предопределяемую указанными законо-	

Литература

1. Лихачев Д. Поэтика древнерусской литературы // Избранные произведения: В 3-х т. Т. 1.	7. Лосев А. Форма – Стиль – Выражение / Сост. А. Тахо-Годи. М., 1985.
2. Булгаков С. Православие. М., 1991.	8. Хайдеггер М. Искусство и пространство // самосознание европейской культуры XX в. М., 1991.
3. Марченко Т. Радиотеатр. М., 1970.	9. Хлебников В. Радио будущего // История советской радиожурналистики. Документы. Тексты. Воспоминания. 1917–1945. М., 1991.
4. Кедров К. Поэтический космос. М., 1989.	10. Розанов В. М.В. Нестеров // Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв. М., 1993.
5. Померанц Г. Роль масштабов времени и пространства в моделировании исторического процесса // Выход из транса. М., 1995.	
6. Нечай О. Ракурсы: О телевизионной коммуникации и эстетике. М., 1990.	